

Анна Ахматова и история

Отрывки из неоконченной книги «Судьба [Победа] Анны Ахматовой».

Парадокс в русской общественной мысли осужден как жанр. С него не спрашивают, хорош он или плох. Его осуждают за принадлежность к малопочтенной корпорации.

Это похоже на многие другие осуждения в нашей истории. Например, на осуждение кулачества как класса, когда личные качества одного, отдельно взятого кулака значения не имели.

Проблема парадокса несомненно важна и с каждым днем приобретает все большее значение.

* Аркадий Б е л и н к о в «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша», Мадрид, 1976, стр. 146.

(Я не хотел бы, чтобы эта страница была принята за ошибку типографщика, заверставшего в научное исследование кусок из фельетона).

Дело в том, что всякое научное явление – парадокс.

Впрочем, что такое парадокс?

«Странное мнение, противоречащее на первый взгляд здравому смыслу», – утверждает словарь («Словарь русского языка», составил С. И. Ожегов. Гос. изд. ин. и нац. словарей, М., 1949).

В определении важно то, что – «на первый взгляд». Предполагается, что при внимательном рассмотрении мнение не будет противоречить здравому смыслу.

Если бы всё в жизни на первый взгляд не противоречило здравому смыслу, то, очевидно, не было бы потребности в науке, ибо все было бы ясно и ничего не надо бы было изучать.

Два века назад любой англичанин счел бы за парадокс предположение, что пар, который он ежедневно видит над своим чаем, может двигать вагоны с сидящими в них джентльменами.

Каждый из нас хоть раз в жизни, а некоторые даже и два, пережил это страшное ощущение, когда на наших глазах осуществлялось нечто, что еще накануне казалось совершенно противоречащим здравому смыслу.

Не правда ли?

Слово «парадокс» Пушкин употребляет четыре раза. («Словарь языка Пушкина». Гос. изд. ин. и нац. словарей. М., 1959, т. 3.).

Анна Ахматова в своих напечатанных произведениях не употребила ни разу.

Несмотря на это, проблема парадокса в ее жизни и литературной судьбе играет важную роль.

Парадокс Анны Ахматовой заключается в том, что ее главная тема – отверженная любовь, т. е. одиночество, – определена историей, которая в нашем сознании связана с огромным количеством людей и событий.

История для Анны Ахматовой играет роль не только как детерминанта ее творческой судьбы, а как действующее лицо ее произведений.

Следует иметь в виду, что это действующее лицо из эпизодических.

Но значение этого эпизодического героя часто бывает решающим. Это известно из театра: приходит вестник с двумя репликами, и две реплики меняют судьбы Мироздания.

У Анны Ахматовой эпизодический герой – история – решает ее судьбу.

Дай мне долгие годы недуга,
Задыханья, бессоницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар.
Так томлюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над скорбной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Странность мнения о том, что Анна Ахматова глубоко определена историей, – мнимая.

«Анна Ахматова и история» – это парадокс, т. е. мнение, «противоречащее на первый взгляд здравому смыслу».

Но только на первый взгляд.

Дело в том, что, думая об Ахматовой, мы упускаем из виду по крайней мере два обстоятельства: определенность историческим элементом контекста и роли исторического элемента в формировании ее личности.

После спиритуализма и незаинтересованности человеком и присущими ему переживаниями, характерными для средних веков, явился Петрарка со своим сложнейшим (дифференцированным, дробным отношением) анализом к человеку и его переживаниям. Прошло четыре века, и снова человек стал интересен не с точки зрения особенностей индивидуальной психики, а как выражение идей и категорий. Наступил классицизм. Ему на смену снова приходит повышенная заинтересованность индивидуальным, уже в романтической концепции и в романтической стилистике, с ее преувеличением и подавлением остальных признаков (образующих) человеческого характера.

И эта смена, следует полагать, не боясь впасть в типологизм, присуща всей человеческой истории в самых разнообразных ее проявлениях – в истории культуры, политической истории, истории искусств и т. д. И как всегда в истории человеческого существа, эти явления не следуют друг за другом, а всегда существуют вместе, но одно из них всегда подавлено, и всегда подавленное в свое время становится победителем, подавляя, но не до конца, побежденное. Поэтому одновременно существуют такие явления, как «Аполлон» и «Знание», как Пастернак и Сурков.

Было бы нелепым отделять стихи об «истории» от стихов о «любви». И никогда такой поэт, как Ахматова, их не отделяет. Скорее следует говорить о соединении истории и любви в одном стихотворении:

Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей Владимир
Поднял черный крест.
.....

Путь мой жертвенный и славный,
Здесь окончу я,
И со мной лишь ты, мне равный,
Да любовь моя.

(1940)

Несомненно, любовная и историческая тема в ахматовских стихах связаны, и важно проследить, как т а к а я любовная тема, т. е. рожденная в результате длительных и сложных исторических процессов, произрастает из истории, из исторического воспитания чувств.

Из 350 стихотворений Ахматовой в 50 (например) есть история, искусство и пр. Много ли это? Вероятно, нет – в сравнении с другими поэтами, например, с Брюсовым. Хороши ли ахматовские стихи от того, что в них есть история, искусство и пр. Вероятно, нет. У других поэтов сколько угодно истории, искусства и пр., а стихи плохие. Точно так же и наоборот: у прекрасных поэтов нет ни истории, ни искусства и пр. В чем же дело? Дело не в истории, искусстве и пр., присутствующих или отсутствующих

ющих в стихотворении, а в том влиянии, которое оказывает история и искусство на человека, написавшего стихотворение, какую историю он выбрал и какая его воспитала. Если составить исторические ряды, определившие разных поэтов, то отличность этих рядов будет в какой-то мере соответствовать отличности этих поэтов. [Взять исторические ряды двух разных поэтов, например, Тютчева и Ахматовой. Сделать главку об историческом ряде Тютчева, сравнительно короткую, а следом затем развернутое исследование об историческом ряде у Ахматовой с подразделением на историю, искусство, с выделением из него литературы, а из литературы Пушкина. Попробовать начать с этого (после вступления) статью. Мотивировка такого поворота – сложность и тонкость ощущений являются следствием поглощения сложных исторических явлений.]

Враждебна или не враждебна поэзия Ахматовой нашей действительности? Я думаю, что не может быть и тени сомнения: не враждебна. Но в то же время, имея в виду опыт и борьбу советской литературы, трудно говорить о близости Ахматовой стремлениям этой литературы. Ахматова, конечно, не враждебна. Ахматова – лояльна. Но для нас, воспитанных на тезисе «тот, кто сегодня шагает не с нами, тот против нас», лояльность стала синонимом враждебности. Если это отбросить, то следует признать, что Ахматова – писательница очень далекая от задач и требований, интересов и тенденций советской литературы. Как же могло возникнуть такое явление? Это уже тема «Маугли»; человек попадает в иную среду и сохраняет свои особенности.

Как могло получиться, что внешние воздействия, столь интенсивные, ее, в сущности, не затронули? Почему это не происходит с другими?

Она была твердо уверена в себе и в своей поэтической духовной правоте. Поэтому она, как всякий (редкий) порядочный человек и большой писатель (последнее встречается значительно чаще первого), не подверглась воздействию быстротекущих концепций, которые еще за пять минут до гибели почитались вечными и непреложными и за попытки ревизии которых гибло все мыслящее.

Она не подверглась воздействию временных, преходящих, но всякий раз принимавшихся за нетленную истину идей, злобных и вредных. И поэтому она не претерпела ни вульгарного социологизма, ни еще более вульгарных концепций, сменивших вульгарный социологизм.

* *
*

Главное в статье – это эстетическое как производное исторического. Главное заключается в том, чтобы показать, как сложный душевный мир, тонкость ощущений, глубина переживаний могут возникать в результате сложнейшего исторического процесса, исторического развития. Может быть, следует по-иному посмотреть на так называемый исторический материал; может быть, исторический материал это не только имя, название, событие? Нужно посмотреть, нельзя ли найти связь между историческим материалом в обычном значении и производным от него, но так же историческим.

У меня все крепнет ощущение, что статья об Ахматовой (ее внешняя сторона, не подтекст, который, конечно, совершенно ясен) должна быть о воспитании чувств историей. Это нужно очень, очень сильно, коротко и блестяще сформулировать, а потом можно соскользнуть на непосредственно связанные с историей стихи. Кстати, если это удастся с Ахматовой, то таким способом можно написать целый цикл работ о разных других писателях – разумеется, моего ряда.